

Мы никогда не вернемся в рай, по которому тоскуем

Рос. газеты. - ~~Иркутск~~ - 1997 - Ноябрь. - с. 8

Человек он особенный. С журналистами не церемонится.

К нам, собравшимся в гостиной Дома актера, отнесся как к нашкодившим студентам, для которых давал открытый урок. Приказал без разговоров сесть и не орзать на стульях, вдобавок ко всему заставил разыграть пару сценок. И уж после выяснил, что мы — «интервьюеры». Жаль было в этом признаваться: глядишь, еще что-нибудь интересное получилось бы!

— Вы восхищаетесь мужской природой или хотите лучше познать женщин, переодевая в них мужчин, как, например, в ваших нашумевших «Служанках»? — спросили мы мэтра.

— Я исполнил волю создателя пьесы Жана Жене, который завещал играть «Служанок» только мужчинам. В античном театре справедливо считалось, что постичь природу женщины способен лишь мужчина. Женщина — это загадка. Как только режиссер или драматург подходит к краешку ее тайны, женщина моментально «закрывается». У нее масса уловок, ухищрений, чтобы не подпускать к той сердцевине, где сокрыта тайна. Поэтому Жене считал, что мужчина в силу своей интуиции может проникнуть в эти глубины.

— Кажется, что у вас в спектакле играют не только атлеты-танцовщицы, но и восковые фигуры?

— Это тоже сам Жан Жене. В своих дневниках он писал, что хотел бы участвовать в спектакле. Но не сказал, в какой роли. И нам показалось, что он может быть собой, таким, каким был — лысым, без головного убора, одевающимся во все черное.

— Почему же тогда актеры не очень обходительно ведут себя с автором, пусть и муляжом — его пинают, бросают?

— Так и должно быть. Жан Жене сидел в тюрьмах и привык, чтобы его били, толкали, выталкивали, отправляли на каторгу. Он попадал в руки полиции после того, как воровал книжки — он не мог их купить. И те книги, которые он воровал, определяли впоследствии духовную жизнь Жене. А их авторы потом обращались к властям с письмами, петициями, чтобы его освободить. Сартр написал о нем великую книгу «Святой Жене». Это был человек дна, который постиг только ненависть, зло мира, не привыкший, чтобы к нему относились ласково. С муляжом Жене, с его оболочкой можно обращаться как угодно, а вот существо, дух, гений — никому неподвластные явления в мире.

— Понять ваши спектакли неподготовленному зрителю сложно. Ваш театр — для элиты?

— Я вообще считаю, что искусство создано для элиты. Ленин сказал: «Искусство принадлежит народу», но в один прекрасный день оказалось, что оно не принадлежит никому (и еще большой вопрос, кто понимает под народом). Сейчас, наконец, искусство обрело великую смелость отвечать само за себя — перестало быть политизированным, облуженой государством. Театр стал только Театром.

— Вы завораживаете зрителя яркими образами, неожиданными деталями так, что, увлекшись ими, можно потерять сюжетную линию. Это задумано специально?

— Нельзя садиться за рояль, не зная нотной грамоты. Так и в театре приходится, не зная нашей культуры, не будучи к ней причастными. Это не значит, что стоит перечитывать перед спектаклем книги, но быть образованным человеком не мешает — знать основы философии, психологии, не говоря уже о фрейдистском направлении, откровениях религиозной философии начала XX века. Христос, согласно Библии, проповедовал избирательно, «массу» же не охватывал. Так и искусство создано только для тех, кому оно нужно. Ложна

та теория, что предлагает за уши тянуть в культуру.

— А кто ваш элитарный зритель? Я обратила внимание, что в зале в основном женщины.

— А другие говорят — наоборот! Я не занимаюсь дифференциацией, но точно знаю: преобладает молодежь. И это великое счастье, ибо театр без молодежи — мертвый театр. Единственная моя надежда в конце этого века только на молодое поколение.

— Вы считаете, что искусство XX века призвано срывать маски лицемерия, искать истину. Но какова же истина, если искусство все ярче окрасивается в «голубоватые» тона?

— Жизнь настолько многогранная, что все цвета радуги должны равноправно входить в нее. Это коммунистическая идеология вселила мысль, что только кумачовый цвет единственно правильный. Помоему, цвет знамени не имеет никакого отношения к тому, что происходит с искусством. Принадлежность к какой-либо группировке уничтожает искусство, оно становится инстанцией, которая обслуживает эту группировку. Я думаю, что каждый спектакль должен иметь такой цвет, который ему принадлежит. «Полонез Огинского» — это один цвет, «Рогатка» — другой, «Служанки» — третий... Но все они имеют право на существование. Выделение одного

цвета — прерогатива тоталитарного государства, а не демократического и свободного.

— А каким вы представляете искусство XXI века?

— Это будет неоклассицизм. Все основные мифы человечества должны быть осмыслены молодежью. Для меня самый близкий миф — об Орфее и Эвридике. Мы попытаемся начать с этого великого мифа, но осмыслив его по-другому, нежели это было в двадцатом веке.

— Вы питаете заметный интерес к мифам, тайнам. Говорят, что вас вдохновила история любви Марины Цветаевой к 20-летней актрисе Соне Холлидей. Есть повод сорвать очередную маску лицемерия?

— Маску с тех, по чьей вине долгие годы были запрещены самые нежные, трогательные стихи Марины Цветаевой. Она искренне любила юную актрису, не скрывала этого, посвящала ей стихи, писала о ней прозу. Она была человеком страсти, а страсть не знает границ и пола. Именно в любви для Марины Цветаевой была полнота жизни, истина. И, судя по ее поэзии, в этом ее высота, здесь она черпала силы для вдохновения. В Театре на Таганке я поставил «Федру», куда вошли дневники Марины Цветаевой. С этим спектаклем мы были в разных уголках мира. И оказывается, Цветаева с открытостью ее страстной души без перевода понятна на разных континентах. В этом сила искусства, в которое я верю и которое проповедую.

— Нам кажется, вы стараетесь зафиксировать ненормальность мира как реальную действительность.

— Мир вообще шизоидный, он сошел с ума. Это очевидно, потому что цивилизация поглотила человека. Человек ставится во главу угла как средство, а не цель. И прагматизм, который в результате цивилизации сегодня очевиден, убивает в человеке главное — дух. Достоевский замечательно говорит о том, что Бог умер. Но на его святое место всегда что-то претендует. Фантомом, пришедшим на место Бога, оказались расчет и деньги. И в конце этого века нужно кричать, что гибнет человек. В результате цивилизации мы становимся автоматами, механизмами, которые от страха и одиночества сталкиваются, ка-

кие-то железячки и колесики трещат, и основная музыка — это скрип железа. От столкновения автоматов не возникает музыки небес. В этом весь трагизм того, во что мы сегодня упираемся. Потому что наш век племейский, век зависти, зла и ненависти. Человеку хрупкому, беззащитному выжить невозможно, и об этом театр должен кричать.

— Вас устраивает, что ваш успех в искусстве идет в одной упряжке со скандальной славой, эпатажем?

— Мне все равно. Никаких скандалов не устраиваю. Для меня важно только то, что люди к нам проявляют интерес — залы переполнены, аплодисменты. А что о нас говорят... Время такое — зависти, зла и ненависти.

— Вы так решительно настроены к миру...

— Это мир предлагает мне, а не я миру. Мир наступает на нас, а мы защищаемся. И каждый спектакль — напоминание об утраченном Рае, из которого мы были изгнаны в результате конфликта между человеком и природой. Земля не создана для того, чтобы на ней обитал человек.

— Мы — казненные?

— Нет, изгнанные. Казнь еще предстоит, когда будет Высший Суд. Мы должны доказать своим умом, сердцем, разумом, что можем здесь строить дом. Пока что конфликт между человеком и природой увеличивается с каждым часом — пламя войны в Чечне, Афганистане, Таджикистане, разных частях мира. Я был в Югославии и видел, как начинается война и тот ужас, к которому она приводит. Если мы не опомнимся, то природа, давшая нам шанс доказать свое право на существование, может нас остановить. Земля — это испытание для нас. Мы доказываем, что выдержать его не можем. Поэтому каждый спектакль для меня — это тоска по Раю, в который мы никогда не вернемся. Рай — это Свет, Радость. Мы из Света пришли, в Свет и уходим. Это для искусства имеет категорическое значение, так как в спектакле важно, какой свет от него исходит. Если над тем, что ты делаешь на сцене, нет неба, нет возможности к полету — это не имеет смысла.

Олеся ХОЛОДОВА,
Богдан ЖЕЛТОБРОУХ.